

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Бакштановский как мой друг

Аннотация. Предлагаемые заметки посвящены 80-летию профессора В.И. Бакштановского. В них автор рассматривает общее направление творчества Бакштановского и своё отношение к нему, взяв в качестве ориентира понятие Другого. Выдвигается гипотеза, согласно которой этический анализ последнего возможен только в контексте философского учения о поступке, разработанного М.М.Бахтиным.

Ключевые слова: В.И. Бакштановский, прикладная этика, друг, поступок.

Владимир Иосифович Бакштановский вошел в отечественную этику со своей темой морального выбора. Конечно, мы все (те, кто стоял у истоков советской этики как особого предмета в рамках марксистско-ленинской философии) знали, что в основе этики лежит противоположность добра и зла, и что нравственная мудрость состоит в том, чтобы двигаться по пути добра и избегать зла, подобно тому, например, как в основе познания лежит противоположность истины и заблуждения, задача ученого и заключается в том, чтобы наполнять наши знания истинным содержанием и очищать от заблуждений. Но что это означает, если не останавливаться на отдельных конкретных высказываниях, которые содержались в классических (нормативных) текстах и сами подлежали герменевтическому анализу, а рассмотреть данную очевидность морального выбора в его философской глубине и обоснованности?

Сама постановка вопроса о моральном выборе в качестве научной задачи уже было началом более конкретного и точного анализа противоположности между добром и злом. Самоочевидный факт морального сознания становился вызовом этике, ответ на который требовал выхода за её узкие рамки и рассмотрения в более широкой перспективе. Вызов состоял в том, чтобы не останавливаться на позиции обыденного (повседневного) мышления, фиксирующего (в языке и мировосприятии) понятия добра и зла в их противоположности, а идти дальше и ответить на следующие вопросы: а) что лежит в основе этой противоположности, как она возможна; б) что из этого следует, как человеку себя вести, чтобы оставаться в рамках той логики, которая в ней (в данной противоположности) заключена?

Бакштановский осознал вполне, что это – различные вопросы и различные векторы движения мысли. Он, оставив, видимо, своим московским коллегам поиски метаэтических оснований морального выбора, сам, будучи сибиряком, привыкшим находить богатства в недрах земли, занялся его практическим аспектом. Что касается нас, его московских коллег, то мы, действительно, в поисках оснований морального выбора уходили в такие историко-философские выси как, например, автономия воли или логика исторического развития. Бакштановский же исходил из убеждения, что различие добра и зла, которое направляет моральный выбор человека, определяется содержательным различием, самой материей его деятельности. Отсюда шли все его поиски, которые маркировались определенными теоретическими позициями: «этика успеха», «профессиональная этика», «выбор меньшего зла», «управление нравственным воспитанием». Всё это было направленно и последовательно: предлагались вполне эмпирические критерии, позволяющие ориентировать моральный выбор, отделить добро от зла.

Бакштановский задал этике прикладной характер и на определенном этапе подошел к самому обозначению этой линии развития этики как прикладной. Вопрос не в самом обозначении (хотя и в этом смысле он может, видимо, претендовать на авторство), а в том, что он задал отечественной этике тренд, который соответствовал духу времени (в чём бы этот дух ни состоял), и в этом смысле она оказалась вполне на мировом уровне. И не его вина, а наша общая беда, что сравнительно массовое развитие прикладной этики в нашей стране стало происходить в путём заимствования западного опыта.

Особо надо отметить: он развивал прикладную этику не как (точнее – не только как) академическую, а как (также) опытную науку, которая, двигая вперед знания о морали, развивает и саму мораль, расширяет сами её формы и точки приложения. Он стал внедрять в практику моральных размышлений то, что сегодня обозначается новым словом кейсы: в частности, имею в виду его пример, кого спасать первым из двух тонущих – академика или слесаря. Надо, правда, уточнить, что этот пример был предназначен для 60-х годов прошлого века, когда не было сомнения, что академик для государства и общества, несомненно, более важен, чем слесарь, а не для сегодняшнего времени, когда это не столь очевидно). Он также впервые стал использовать для этико-воспитательных целей организационно-деятельностные (этико-прикладные) игры. Особую страницу его научно-практической деятельности составляет участие в человеческом освоении новых промышленных районов на севере Тюменской области. Еще одна особенность научных инициатив и проектов Бак-

штановского состоит в том, что всегда в них вовлекались широкие гуманитарные круги, не только ученые, но и журналисты, партийные работники, а из ученых не только этики, но и социологи, культурологи. Словом, Владимир Иосифович – человек творческий, нестандартный, цельный, который, судя по всему, отчитывается не только перед кем должен, но и кем-то нам неведомым.

Эти заметки пишу не для того, чтобы рассказать о том, чем Бакштановский занимается. Моя цель иная – обозначить его фигуру в нашей этике, чтобы подумать о своём отношении к ней. Так случилось, что в моей академической биографии я всегда оппонировал Бакштановскому устно и письменно. Даже во время своих этических игр он выделял для меня особую позицию человека, в функцию которого входила критика самого предмета игры. Такая диспозиция оппонированных пар – вещь в интеллектуальной среде обычная, она просто означает, что люди придерживаются разных позиций (точек зрения). Так это было и когда Бакштановский говорил об этике успеха, я возражал: как можно этику измерять успехом, когда добро содержит свою награду в самом себе. Когда он говорил об управлении нравственным воспитанием, я спрашивал: а кто управляет, где тот учитель (воспитатель), которому общество может доверить это, и почему до сих пор не появилось такой профессии. Когда говорилось о цене человека, я спрашивал: а сколько стоит твоё собственное дитя. Словом, я защищал точку зрения автономии личности и самоценности (абсолютности) морали, а он проводил свой рациональный (прикладной, прагматический) подход к ней.

Не хочу сказать, что я был прав, а он нет. Не об этом сейчас речь (решение этого спора, раз уж упомянул его, вижу сегодня в разведении философии морали и науки о морали). Сказать же хочу о другом: несмотря на этот длящийся до сегодняшнего дня спор, мы оставались в дружеских отношениях. И не только товарищеского приличия коллег, а – по крайней мере, с моей стороны – именно в отношениях внутренней связанности, являющейся источником радости, как если бы речь шла о родном близком человеке. И до сих пор тешу себя надеждой выпить (для этого и берегу) вместе бутылку коньяка «Греми», который в своё время профессор Бандзеладзе подарил великому моралисту Я.А. Мильнеру-Иринину с наказом открыть в ознаменование выхода в свет своего знаменитого трактата «Этика, или принципы истинной человечности». Его дочь, Надежда Яковлевна, передала его мне за содействие в публикации этого труда. К сожалению, сам Мильнер-Иринин, не дождался.

Теперь подхожу к главному, ради чего делаю эти заметки. Владимиру Иосифовичу Бакштановскому, который на три года моложе

меня, днями будет 80, мы более 50 лет знаем друг друга и взаимодействуем в рамках профессиональной деятельности. Размышляя и высоко ценя эти реально сложившиеся отношения, сознавая, что они прошли проверку временем (в том числе крушением общества и государства, в котором сложились, и надеясь, что они выдержат и грядущие, по всему чувствуется, социальные катаклизмы), задаюсь вопросом, в чем их человеческая основа, тот каркас, на котором они держатся. Ответ, к которому прихожу, кажется странным. Этим и хочу поделиться.

Всё дело в том, что Бакштановский – это другой, и не вообще другой (вообще другого не существует), а именно мой другой, для меня другой. Он представлен в качестве другого на конце той линии, которая от меня тянется к нему. Точно также, как я есть на этом конце линии, которая от него тянется ко мне. Для того, чтобы понять его в этом качестве, мне надо саму профессиональную деятельность в рамках этики (и даже шире – профессиональной жизни) осмыслить как конкретный поступок – поступок в том понимании, какое ему придал М.М. Бахтин, рассматривая в качестве фундаментальной категории человеческого бытия. Но предварительно – одно замечание о расхожем понимании другого

Понятие другого занимает важное место в современных философских учениях и гуманитарной лексике, стало даже неким знаком интеллектуальной моды. Его противоречивая природа, обнаруживаемая уже на уровне языка и повседневных отношений, состоит в том, что другой, с одной стороны, «чужой», «неизвестный», с другой – это «не-я», «иной, чем я». «Я» и «другой» – соотносительные понятия, без первого – нет второго (в этом смысле этимологии, например, древнеславянской, в которой «другой» обозначается словом «второй», выражают очень существенный момент данного понятия). Но именно в силу этой вполне конкретной соотносительности, в которой без «я» нет «другого» (т.е., второго, не-я), «я» и «другой» не могут быть равнозначны. Это создает серьезные проблемы для объективного этического анализа, ориентированного на равенство индивидов как базовой основы морального общения. Понятие другого получает свою особую интерпретацию в разных философских теориях (Фейербаха, Бубера, Сартра, Рикёра, Левинаса и др.). Расхожее представление о другом, складывающееся в общественном сознании в качестве суммированного итога всех продолжающихся аналитических упражнений вокруг данного предмета, состоит в том, что данное понятие призвано придать человечески адекватный (нравственно приемлемый) вид отношениям между индивидами. Индивиды А и Б (любые индивиды) вступают в человеческие (достойные человека)

отношения тогда, когда они становятся взаимобратимыми, такими, в ходе которых любой из них воспринимает второго как своё иное, как самого себя, но в ином обличье, как другого, но такого же, как он. Понятие другого оказывается общим знаменателем отношений между разными индивидами, какими бы различными они по своим реальным физическим, социальным, духовным и прочим параметрам ни были.

Этика (мораль) в качестве такого знаменателя предлагает свои нормы. Когда этика в качестве всеобщих и универсальных, характеризует моральные нормы она именно этим и обосновывает их в качестве связующих нитей, автономных от всех иных связей и являющихся их условием, даже в том случае, когда эти иные связи заключаются в их взаимно непримиримой борьбе (отсюда, например, такой парадоксальный оксюморон как этика войны). Правда, здесь неизбежно возникает логический сбой: этика и мораль предлагают свои требования в качестве долга, не имеющего иных оснований, кроме доброй воли индивидов. Это означает: для того, чтобы этические и моральные требования могли выступать в качестве общего знаменателя, объединяющего различных индивидов, те уже должны руководствоваться ими, быть этичными, моральными. Когда этика и мораль пытаются осмыслить межчеловеческие отношения в их первичной ячейке как отношения двух индивидов (я и иной, я и не-я, я и ты), они попадают в ту же ловушку, в которой оказываются, когда выступают от имени общества. Говоря об отношениях людей, они не могут не рассуждать об обществе, ибо общество и есть совместное существование многих людей, при этом изначальный заданный, имманентный, необходимый и единственно возможный способ такого существования. Но выступая от имени общества они не могут найти в нём того особого субъекта, который мог бы стать его голосом. Этим этика и мораль отличаются от юриспруденции и права, от теологии и религии. Помимо самих индивидов, к которым обращены все социальные нормы и которые в той или иной форме и с разной степенью глубины вбирают их в себя, за юриспруденцией и правом стоят закон, законодатель, суд, карающая и поощряющая сила государства; за теологией и религией – соответствующие священнослужители, организации, обряды и т.п. За этикой и моралью никого отдельно и особо до настоящего времени общество не закрепило, оставив это право в факультативном и любительском режимах за всеми субъектами и институтами. В отношениях между двумя индивидами в праве всегда стоит третий, в религии тоже. В морали между ними нет никого.

Из всего сказанного следует, что в этике, если она хочет оставаться на своих основаниях доброй воли и долга, требуется другое понимание феномена другого. Оно содержится, в частности, в учении Бахтина о поступке. Здесь не место подробно говорить об этом. Скажу самое главное: поступок (а по Бахтину – всё, все возможные формы и проявления активности индивида: чувства, мысли, действия и т.п. – суть поступки) развернут и в сторону – живого индивида, и в мир культуры. Мир культуры есть мир других людей, это общество. Можно сказать: поступок – это то, что соединяет живого индивида и других людей, в своей первооснове – это то, что разворачивается между «я» и «другим». В поступке следует различать сам факт его появления (существования) в мире и его предметное содержание. Поступок совершается (производится, творится) живым индивидом в силу того, что он живой, что он не может не поступать (не делать чего-либо) уже по той причине, что у него нет алиби в бытии. Фактом же поступок становится в тот самый момент, когда он обретает плоть, наполняется предметным содержанием, обретает конкретные пространственно-временные контуры, соединяется с другими индивидами. Поступок двучастен подобно голове и туловищу человеческого тела: он начинается с «Я» и тянется, направлен к «Другому» (или к персонифицированным другим). В такой конструкции человека «другой», будучи принципиально иным, чем «Я», и существуя только как «не-я», оказывается неразрывно связан с «Я», порождается им, вступает с ним в диалог (поддерживает, спорит, противостоит, уточняет и т.п.). В поступке выражается (реализуется, раскрывается, воплощается) разумность человеческого индивида в такой же мере, в какой и его общественная природа: сознательный характер деятельности человеческого индивида выражается в его изначальной связанности с другими индивидами.

Возвращаюсь к Бакштановскому: он – мой другой, другой для меня (не такой, как я; иной, чем я) в рамках моего поступка профессиональной деятельности. Подобно тому, как могу предположить, я выступаю в качестве другого в жизненной перспективе самого Бакштановского. Вступив на академическую стезю, а внутри неё занявшись этикой, я совершил факт поступка, положил его начало, и в продолжение этого факта, оставаясь внутри него и наполняя его предметным содержанием, я оказался в определенном мире культуры, в котором нашёл много интересных учений, книг, мыслителей, споров прошлого и настоящего, а также много коллег в разных городах и странах, среди них также увлеченного тем же предметом смелого креативного ученого из Тюмени Владимира Бакштановского. Знакомство, общение, сотрудничество и споры с которым составили

отдельный самостоятельный фрагмент (поступок) в рамках более общего поступка профессиональной жизни и помогли мне искать свой путь и темы в этике.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. – 392 с.

2. *Гусейнов А.А.* Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М.Бахтина) // Вопросы философии, 2017, №6, с.5-15; №7, с.65-74